DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-88-92

© Т. Б. Ильинская

НЕИЗВЕСТНАЯ ЗАМЕТКА Н. С. ЛЕСКОВА «О ЮХАНЦЕВСКИХ ЧАСАХ»

Сотрудничество Н. С. Лескова в петербургской газете «День» (1888–1895) долгое время было вне поля зрения исследователей. Лесковские публикации в этой газете не зафиксированы ни П. В. Быковым,¹ ни С. П. Шестериковым.² В наиболее полном указателе И. Мюллер де Морог отмечена только одна неподписанная заметка Лескова, появившаяся на страницах «Дня»,³ однако другие публикации также не упоминаются.

Между тем материалы этого скромного издания позволяют уяснить некоторые обстоятельства творческой биографии позднего Лескова. Газета «День», выходящая до 1888 года под названием «Еженедельное обозрение», объединяла группу литературных друзей писателя, расположение которых он весьма ценил. По поводу 25-летия своей литературной деятельности Лесков в очерке «Товарищеский подарок» писал: «Два года тому назад некоторые из небольшого числа моих литературных друзей желали чем-то ознаменовать этот день, и об этом тогда проскользнуло известие в „Еженедельном обозрении“».⁴

Среди постоянных сотрудников газеты «День» — литераторы из ближайшего окружения писателя: А. И. Фаресов — публицист и биограф Лескова, В. И. Бибииков — беллетрист и автор ряда критических статей о Лескове; здесь постоянно помещал новые стихи К. М. Фофанов. Возглавлял это издание (а также и «Еженедельное обозрение») И. В. Скворцов, который публиковал здесь свои статьи под псевдонимом Solo. Скворцов ранее печатался в «Церковно-общественном вестнике» в пору активного сотрудничества Лескова в этом издании.

В свое время нами были опубликованы два очерка, напечатанные в газете «День»: «О дурацких обычаях»⁵ и «Странный случай при смерти Дудышкина».⁶ Однако эти публикации не исчерпывали вопроса об участии Лескова в издании, а также об интерпретации его новых и давних произведений в материалах других авторов (газета «День», в отличие от большинства других периодических изданий, проявляла исключительное и к тому же дружеское внимание к творчеству Лескова).

Цель предлагаемой статьи — представить еще одну неизвестную работу Лескова — заметку «О юханцевских часах», а также вписать ее в контекст творчества писателя.

Неоднократно отмечалось, что одна из сложных проблем лескововедения — это атрибуция лесковской публицистики, в значительной своей части состоящей из анонимных статей.⁷ В противовес этой писательской тактике заметка «О юханцевских ча-

¹ Быков П. В. Библиография сочинений Н. С. Лескова // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 10 т. СПб., 1890. Т. 10. С. I–XXV.

² Шестериков С. П. К библиографии сочинений Н. С. Лескова // Известия Отдела русского языка и словесности АН СССР. Л., 1925. Т. 30. С. 268–310.

³ Muller de Morogues I. L'œuvre journalistique et littéraire de N. S. Leskov: Bibliographie. Berne, 1984. P. 60 (Slavica Helvetica. Bd 23).

⁴ Новое время. 1888. 3 окт. № 4525. Цит. по: Лесков Н. С. Товарищеский подарок (Письмо в редакцию) // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 11. С. 238. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

⁵ Ильинская Т. Б. «Власть тьмы» — библейское и толстовское в интерпретации Лескова (Неизвестная статья Лескова «О дурацких обычаях») // Мир русского слова. 2009. № 4. С. 64–70.

⁶ Ильинская Т. Б. Мемуарный факт «в мистическом освещении» (неизвестный очерк Н. С. Лескова «Странный случай при смерти Дудышкина») // Русская литература. 2009. № 1. С. 153–161.

⁷ В атрибутировании Лескову бесподписных статей исключительно велика роль И. В. Столяровой, установившей факт лесковского авторства в отношении многих текстов, а также проанализировавшей причины анонимности значительной части публицистики писателя. См., на-

сах» подписана автором («Н. Лесков»), что объясняется, во-первых, потребностью заявить о собственной позиции, а во-вторых, желанием поддержать дружественное издание (текст был опубликован в самом первом номере газеты, где излагалась программа нового издания).

Необходимо сказать, что уже после обнаружения заметки «О юханцевских часах» нам представился случай ознакомиться с находящейся в частных руках рукописью С. П. Шестерикова «Труды и дни Н. С. Лескова», в которой эта заметка была упомянута.⁸ Однако, поскольку рукопись Шестерикова не издана и поскольку газета «День» имеется далеко не во всех библиотеках, представляется важным обратить внимание специалистов на эту лесковскую заметку.⁹

«О юханцевских часах»

О знаменитом Юханцеве никому не удастся сказать правды. Приходили вести, что он живет в Сибири все равно как блаженствует, но нашелся обстоятельный человек, который сам побывал в Красноярске и все там разузнал досконально. По его словам, Юханцев живет очень скромненько и капиталов с собою из Петербурга не привез, а обзавелся там кое-какою обстановкою на счет двух драгоценностей, именно шинели с борзовым воротником, да необыкновенных карманных часов, стоивших в Париже „три тысячи рублей“ и проданных в Красноярске „за одну тысячу рублей г-ну Васильеву“.

Все это излагается так обстоятельно, что не возбуждает, по-видимому, ни малейшего сомнения, но нелегкая дернула почтенного корреспондента распространяться о том, что это были за редкостные карманные часы, за которые Юханцев заплатил в Париже „три тысячи рублей“.

По словам корреспондента „Московского листка“ (который первый напечатал известие), часы Юханцева „указывали дни, месяцы, фазы луны, *время восхода и захода солнца и проч.*“. Известие это без всякого недоверия и оговорки воспроизвели газеты столичные, а из них перепечатывают его теперь газеты провинциальные. А между тем таких карманных часов, которые показывали бы „*время восхода и захода солнца*“ еще никогда нигде не было, нет, да и быть не может, так как восход и заход солнца не на всяком месте бывает в одно время, а часовой механизм может отмечать только явления, правильно повторяемые через известный промежуток времени. Самомалейшее знакомство с небесною механикою и с условиями часового механизма должно бы, кажется, сразу показать, что корреспондент „Московского листка“ пишет о часах вздор, которого не следует повторять, чтобы не обнаруживать перед своими и чужими людьми очень грубого и непростительного невежества, но... к удивлению, указанный вздор все повторяется.

Н. Лесков».

Этот текст любопытен не только своей тематикой (вспомним один из многочисленных псевдонимов писателя — «Любитель часов», а также воспоминания мемуаристов о лесковской коллекции часов). Заметка «О юханцевских часах» проливает свет

пример: *Столярова И. В.* Н. С. Лесков в «Русском мире» (Проблемы атрибуции) // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 2007. Т. 10. С. 624–638.

⁸ О подвижническом труде Сергея Петровича Шестерикова над лесковской летописью дают представление воспоминания «Замечательный библиографический дар», написанные его вдовой К. П. Богаевской (название воспоминаний отсылает к оценке работ Шестерикова М. П. Алексеевым). После освобождения из лагеря в 1938 году С. П. Шестериков, лишенный права жить в столице, а затем и в Можайске, все же продолжал работу над летописью. Зачастую, проведя бессонную ночь на станции Кубинка (т. н. «сто первый километр»), он ехал утром в Ленинскую библиотеку, где «проворачивал горы газет лесковского времени» (*Богаевская К. П.* Замечательный библиографический дар // Советская библиография. 1991. № 3. С. 79–94). Тест Шестерикова необходимо положить в основу будущей лесковской летописи, собиравание материалов для которой продолжается и в настоящее время.

⁹ Текст заметки воспроизводится по изданию: День. 1888. 1 янв. № 1 — в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации.

на два важных для писателя идейных мотива, что позволяет сделать определенные выводы относительно сюжетных источников его художественных произведений.

Во-первых, здесь имеется новый поворот давней лесковской темы мифотворчества.¹⁰ Писателя всегда интересовал процесс создания и распространения легенды, «момент фольклоризации реальной истории».¹¹ По словам С. Н. Дурьлина, «в „Импровизаторах“ Лесков прямо-таки показывает динамику современного народного легендотворчества».¹² Полностью соглашаясь с Дурьлиным в его взгляде на сюжет «Импровизаторов», внесем некоторую корректировку в предложенную им формулу, основанием для чего будет не только текст «Импровизаторов» (1892), но и текст заметки «О юханцевских часах».

Действительно, на первом плане в «Импровизаторах» — процесс народного мифотворчества. Подобным же образом был прочитан рассказ и современником Лескова, критиком «Русской мысли»: «Автор <...> передает, как складывались и развивались среди низших классов верования в то, что „в Петербурге уже народ отравляют“».¹³ Однако рассказ открывается рассуждениями повествователя, в которых по-публицистически прямолинейно сказано о тождественности механизма мифотворчества в простонародных и интеллигентных слоях общества, хотя быстрое распространение нелепой молвы о холерном эмбрионе (в «Импровизаторах» — «запятая», «козявка», «микроба») имеет свои особенности в каждой из социальных сфер: «Если сопоставить то, что замечено г-жою Смирновой насчет несоответствия народных взглядов на „запятую“, с тем, что журналист, живущий на окраине, обнаружил в людях высшего порядка, то выйдет, что степень легковерия и безрассудства на том и на другом конце общественной лестницы получается как бы одинаковая; но вверху действует козявка засушенная, а по низам ползет что-то живое, и не заморское, а простое доморощенное» (9, 323–324).

Сходная степень доверия не только низших, но и высших классов общества к вздорным слухам, воссозданная писателем в «Импровизаторах», была итогом его наблюдений, одно из которых дала газетная молва о часах Юханцева, и текст заметки любопытен для понимания того, как складывался лесковский «замечательно тонкий анализ возникновения мифа».¹⁴

Кроме того, стоит отметить, что и в заметке «О юханцевских часах», и в рассказе «Импровизаторы» тема мифотворчества основывается на двух понятиях: слепой веры и абсурда.

Так, в заметке абсурдность газетной молвы лексически воплощается в двукратном повторении слова «вздор» и по-лесковски лаконичной и веской вводной фразе: «О знаменитом Юханцеве никому не удастся сказать правды». В «Импровизаторах» этому соответствует лексический ряд: «нелепость», «безрассудство», «суеверие». В заметке отсутствие всякого критицизма в интеллигентной среде по отношению к широко распространившимся слухам выражено фразой: «Известие это без всякого недоверия и оговорки воспроизвели газеты столичные»; в «Импровизаторах» также формулируется сходная мысль: «Генерал этому поверил, а журналист стал пробовать: неужто и другие образованные люди могут верить такой очевидной нелепости. И оказалось, что *все этому верили!*» (9, 323).

¹⁰ См. об этом: *Сухачев Н. Л., Туниманов В. А.* Развитие легенды у Лескова // Миф — Фольклор — Литература. Л., 1978. С. 114–136.

¹¹ *Горелов А. А.* Об источниках произведений Н. С. Лескова // Горелов А. А. Соединяя времена. СПб., 2011. С. 816.

¹² *Дурьлин С. Н.* Николай Семенович Лесков. Опыт характеристики личности и религиозного творчества // Москва. 2011. № 2. С. 128.

¹³ Русская мысль. 1893. № 7. С. 300. Цит. по: 9, 617.

¹⁴ *Амфитеатров А. В.* Одержимая Русь: Демонические повести XVII века. Берлин, 1929. С. 166–167. Приводим более полно высказывание Амфитеатрова о лесковском даре художественно воссоздавать процесс мифотворчества: «В русской художественной литературе над изысканием и обработкою народного беллетристического мифа особенно много, искусно и успешно потрудился Н. С. Лесков. Трудно указать такое произведение Лескова, которое было бы вовсе лишено этого элемента. Некоторые же всецело им наполнены и, притом, с замечательно тонким анализом возникновения мифа» (Там же).

Кроме того, Лесковым подчеркнута, что мифотворчество в интеллигентной среде воплощается в личине научного знания: в рассматриваемой заметке сказочные для того времени представления о чудо-часах включают астрономические понятия, а в «Импровизаторах» — понятия микробиологии и оптики.

В финале рассказа «Импровизаторы» также звучит мотив отсутствия критицизма — общего для высших и низших слоев общества — по отношению к нелепым слухам. Не только помешавшийся с горя «порционный мужик» становится причастным к стихии мифотворчества («поднебесная зыбь», «марево»), но и люди европейского образования: «О Господи! сжался над ним, да сошли и нам просвещающую веру вместо суеверия!» (9, 339).

Так в «Импровизаторах» преломляются давние лесковские публицистические темы, образуя тот своеобразный «сплав образа и публицистики»,¹⁵ который характерен для позднего периода творчества писателя.

Переходим к другой теме, затронутой в заметке «О юханцевских часах», которая также позволяет глубже понять художественное творчество Лескова.

Вначале поясним, что К. Н. Юханцев — чиновник по особым поручениям Министерства финансов и кассир Общества взаимного поземельного кредита, обвинявшийся в растрате более чем двух миллионов рублей. С 22 по 24 января 1879 года в Петербургском окружном суде слушалось его дело, которое было настолько масштабным, что на судебном процессе присутствовал министр юстиции, а председательствовал А. Ф. Кони, добившийся наказания подсудимого. После суда Юханцев был лишен всех прав и сослан в Енисейскую губернию, в Красноярск, где, как сообщали газеты, продолжал вести роскошную жизнь.

Невиданный размах этих хищений привлек особое внимание не только газетной периодики, Юханцев также попадает в поле зрения писателей. Его имя встречается у Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Тургенева. «Грандиозный процесс Юханцева» (В. Г. Короленко) был настолько у всех на слуху, что достаточно было упоминания некоторых обстоятельств этого скандального дела, чтобы сразу стало понятно, о ком идет речь. Так, у Чехова содержится прозрачный намек на дело Юханцева в рассказе «Единственное средство» (1883), в котором излагается история о том, как «кассиры грабили» некое Общество: «За последние пять лет у нас перебывало девять кассиров, и все девять шлют нам теперь в большие праздники из Красноярска свои визитные карточки».¹⁶

У Лескова, несколько лет проводящего на коммерческой службе и хорошо разбиравшегося в финансовых и моральных обстоятельствах делового мира, был особый интерес к злоупотреблениям в этой сфере (достаточно вспомнить пьесу «Расточитель» или рассказ «Бесстыдник»). Поэтому понятно внимание писателя к «знаменитому Юханцеву».

Однако, как мы попытаемся показать, лесковский отклик на историю Юханцева не исчерпывается заметкой «О юханцевских часах». Вполне возможно, что такое значимое произведение, как рассказ «Отборное зерно», содержит переключки с юханцевским делом.

В этом рассказе, являющемся одной из самых ярких иллюстраций лесковской «коварной» манеры, звучит, в частности, суждение, что в результате мошенничества с отборным зерном выигрывают все. «Ни один человек не остался в убытке», «никто не пострадал», «барин, купец, народ, то есть мужички, — все только нажились». Вопрос собеседника: «А страховое общество?» — вызывает лишь усмешку у рассказчика: «Батюшка мой, о чем вы заговорили!» (7, 303). С его точки зрения, страховое общество, заплатившее за сорное зерно как за отборное, — это некая мнимая сущность, эфемерная структура, «немецкая затея», воспользоваться которой вовсе не грех.

Такой ход рассуждений сходен с тактикой защиты на процессе Юханцева. В ответ на главный довод обвинителя, князя А. И. Урусова, утверждавшего, что Общество

¹⁵ Макарова Е. А. Проблема русских переселенцев в рецепции Н. С. Лескова // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. 2008. № 1 (2). С. 65.

¹⁶ Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1975. Т. 2. С. 18.

взаимного поземельного кредита имеет важное государственное значение, поскольку затрагивает интересы всех сословий, адвокат В. И. Жуковский доказывал, что, напротив, Общество ни в коей мере не способствует благоденствию средних и мелких землевладельцев, как крестьян, так и небогатых помещиков: «Прокурор полагает найти потерпевших среди крестьян от злоупотреблений Юханцева и связывает с затруднительным положением Общества поземельного кредита размеры вывоза хлеба за границу. Если бы мы сообщили эти соображения прокурора крестьянам в той или другой местности, то относительно вывоза за границу, быть может, они отозвались бы, что сами нуждаются в хлебе; что же касается ссуды в 100 000 руб., выданной помещику, они, быть может, сказали бы, что их барин живет в Париже, немцем-управляющим они недовольны, землю помещицью арендуют и арендную плату в срок платят. По моему мнению, значение Общества поземельного кредита определяется весьма просто: оно призывает на пир богатей; народу же от этого пира не остается ни крохи <...> Все приведенные мною соображения не оправдывают Юханцева, но защита не может допустить, чтобы на голову подсудимого взвалили нарушение каких-то небывалых государственных интересов».¹⁷

Как можно заметить, главным пунктом и в защите Юханцева, и в восхвалении рассказчиком ловких «предпринимателей» из «Отборного зерна» является то, что эти аферы никого не обездолили. Поэтому вполне можно предполагать, что процесс Юханцева, широко освещавшийся в печати, послужил одним из импульсов для вызревания замысла «Отборного зерна», где рассказчик — воплощение лесковской «провокативной морали»¹⁸ — формулирует основной смысл происходящего с помощью известной поговорки: «вор у вора дубинку украл» (7, 282).

Подводя итоги, можно сказать, что заметка «О юханцевских часах» не только дает материал для некоторых выводов об источниках лесковских сюжетов, но и позволяет судить о соотношении, а порой и о взаимопроникновении публицистического и художественного письма в творчестве писателя. Тем более, что подзаголовки и рассказы «Импровизаторы» («Картинка с натуры»), и первой журнальной публикации рассказа «Отборное зерно» («Натуральная трилогия») направляли внимание читателя в сторону сложных опосредованных связей литературы и реальности.

¹⁷ Жуковский В. И. Дело Юханцева // Судебные речи известных русских юристов. М., 1957. С. 387.

¹⁸ Лихачев Д. С. «Ложная» этическая оценка у Н. С. Лескова // Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. Л., 1981. С. 162.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-92-101

© Тянь Хунминь (КНР)

ЗА ПРИЛАВКОМ: «ДРУГАЯ ЛИТЕРАТУРНОСТЬ» А. П. ЧЕХОВА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Современное чеховедение строится на разнообразном материале; литературные тексты, научные биографии писателя, опубликованные дневники, воспоминания современников, переписки, а также архивные материалы, относящиеся к жизни и творчеству Чехова, позволяют многосторонне и в разных аспектах охватить почти все вопросы, касающиеся творчества Чехова: от поэтики его отдельных художественных текстов до вопросов логоцентризма. В процессе исследования был создан новый Чехов, и он продолжает создаваться в нашу эпоху. Однако окончательных выводов не сделано, и очевидного пути к ним пока не найдено. Глубокое изучение, подкрепленное архивными данными, должно идти параллельно с применением новейших гуманитарных методологий.